Старый мастер — всегда мастер

За рубежом. - 1996. - 2-8 авг. (№ 31). - с. 14 - 15

Черные картины Франсиско Гойи

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

СОБСТВЕННО, нарисовать такую картину со стороны художника было наглостью. У королевы плечи, словно у торговки пивом. По лицу короля видно, что он не умеет считать до трех. Юный престолонаследник так высокомерен, что внушает отвращение. На виске старой тетки торчит противная бородавка. И к тому же оба младших королевских отпрыска смахивают на первого министра. По слухам, он не только освобождал короля от бремени правительственных дел, но и брал на себя его сугубо личные обязанности.

В общем, у их величеств было достаточно причин, чтобы немедленно отправить автора этой мазни ко всем чертям - тем более что он еще дерзко втиснул в картину и самого себя. Но когда в 1801 году Франсиско де Гойя подарил это полотно семье испанских властителей, никто и не помышлял об изгнании. Королева Мария Луиза и ее муж король Карл IV вполне удовлетворились семейным портретом, хотя на нем их и изобразили вульгарным сбродом. Они, наверное, почувствовали, что перед ними работа гения, одного из величайших художников всех времен.

К этому времени 54-летний Франсиско де Гойя, живописец при королевском дворе в Мадрйде, находился в зените своей карьеры. Он поднялся наверх с самых низов: сначала рисовал нравившиеся всем изображения святых и делал наброски декоративных гобеленов, а потом все смелее брался за картины и рисунки, каких не знало до той поры изобразительное искусство. Ему удавались социально-критические картины об ужасах войны, о пытках, убийствах и грабежах. Он беспощадно изображал свои собственные кошмары - ведьм, демонов и чудовищ. Еще и поныне картины Гойи выглядят ужасающе актуальными.

250-летие со дня рождения великого художника Испания отпраздновала в этом году, устроив целый ряд больших выставок. Но есть и другая возможность поближе узнать старого мастера - совершить путешествие по его следам.

Художник родился в Фуэндетодосе, глухом арагонском захолустье, совершенно случайно. Его семья жила в Сарагосе, где отец покрывал позолотой алтари и статуи святых. Мать как раз гостила у своего брата Мигеля Лусиентеса, когда о своем появлении на свет заявил ее четвертый ребенок - Франсиско.

Великолепная церковь Фуэндетодоса слишком велика для жалких 100 жителей, которых и сегодня столько же в этом местечке. Служанка с гордостью показывает красно-черную мраморную купель, в которой Гойю крестили на следующий день после рождения. Падре здесь больше нет, в случае необходимости приезжает священник из Сарагосы. Поскольку в Фуэндетодосе не хватает работы, молодые люди уезжают в окрестные промышленные города, днем улицы пусты и безлюдны.

80-летняя Хосефа Салуэнья Лусиентес - единственный потомок Гойи. Она живет недалеко от дома, в котором он родился, но о своем предке-художнике знает мало. Собственно, только то, что он очень знаменит. Один раз в жизни она на автобусе съездила в Мадрид, чтобы в музее Прадо увидеть картины Гойи. Вспомнить по-настоящему не может ни одной, но «все они были красивыми».

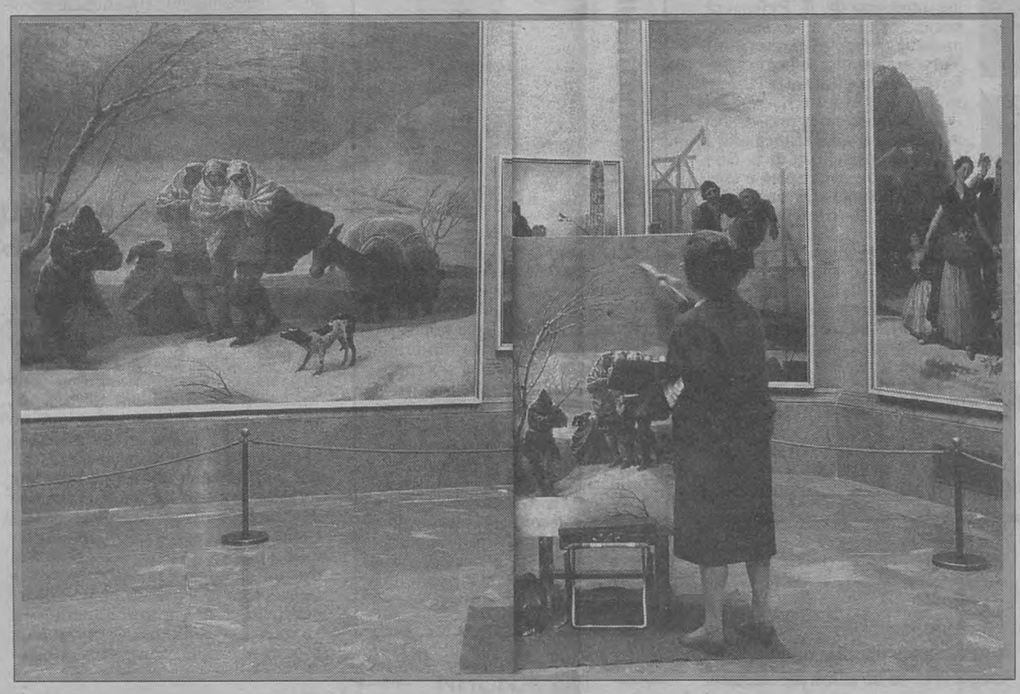
Франсиско - баловень судьбы. Ему довелось учиться живописи. А так как в 1773 году он женится на сестре придворного художника Франсиско Байеу, то быстро получает доступ в аристократические круги. Там любят запечатлевать себя на портретах, и заказы текут рекой. Большой любви к жене Хосефе он, видимо, не питал, потому что ни разу ее не нарисовал. Но по рекомендации шурина в 1774 году Гойю приглашают ко двору в качестве королевского художника.

Его наипервейшая задача заключается в том, чтобы делать наброски гобеленов - легкие, веселые сцены повседневной жизни. Он создает прелестные декоративные произведения, вроде «Игры в жмурки» или «Охоты на перепелов». Их величества восхищены и вешают готовые ковры в королевском дворце и во дворце принца Прадо.

В мадридской ковровой мануфактуре и сегодня все выглядит так же, как во времена Гойи. По цене (в пересчете) около 20 тысяч марок за квадратный метр там делают гобелены по его наброскам.

Хакинто Пеньяс уже 45 лет работает в мрачном цехе на ткацком станке XVIII века. В год он создает от трех до четырех «квадратных метров Гойи», оригиналы отличаются сложностью. В настоящее время он возится с «Игрой в жмурки» - это заказ пары молодоженов.

Полного удовлетворения от работы при королевском дворе Гойя явно не испытывал. Бесконечные эскизы гобеленов, общее число которых составило 63, скоро ему наскучили, он требует новых, более сложных заказов, но от него отделываются обещаниями.



Зал музея Прадо. Здесь выставлены эскизы Гойи для гобеленов, выполненные по заказу королевского двора.

Портрет герцогини де Альба.

В 1792 году художник неожиданно тяжело заболевает. Один из друзей рассказывает о «грохоте в его голове», «глухоте», «нарушениях равновесия». И поныне идут споры о том, что именно приключилось с Гойей - сифилис или шизофрения, депрессия, воспаление мозговой оболочки или отравление красками, содержавшими свинец и ртуть.

Может быть, он был просто болен духом в результате неудовлетворенности как своей работой, так и политическим положением в Испании, которое становилось все более трудным? Не исключено, что его снедала печаль: из семи его детей остался в живых всего один. Точно известно лишь, что Гойя оглох. И неожиданно стал рисовать совершенно по-другому.

Вместо симпатичных влюбленных пар и играющих детей он теперь изображает карликов, фигляров и тореадоров - выразительно запечатленные моменты будней маленьких людей, которые не имели ничего общего с жизнью при дворе. В 1796 году он без спроса покидает Мадрид и уезжает в Андалусию, где встречает герцогиню де Альба, муж который недавно умер. Гойя, друг дома, приезжает в ее поместье Санлукаре как утешитель - и влюбляется во вдову. Что неудивительно, ибо у прекрасной Каэтаны, по выражению одного современника, «каждый волосок на голове рождал страсть».

Герцогиню де Альба Гойя знал уже давно, и она явно вела с ним странную игру.

«Вчера она пришла в ателье, чтобы я раскрасил ее лицо, и в таком виде ушла, - пишет художник своему другу. - Должен признаться, что это мне нравится больше, чем рисовать ее на холсте».

Все лето 1796 года Гойя проводит с герцогиней де Альба. Это время создания некоторых из самых прекрасных и нежных его рисунков: вот Каэтана натягивает на ногу чулок, вот она перебирает свои роскошные волосы, пишет письмо или во время пикника сидит на траве. Нигде в произведениях Гойи любовь и эротика не проявляются с такой силой, как в этих маленьких нескромных рисунках. К сожалению, у романа несчастливый конец: герцогиня заводит новых любовников и оставляет разочарованного художника.

Вернувшись в Мадрид, Гойя рисует как одержимый: влюбленные пары и сводницы, ведьмы, гномы, танцовщики, процессии - все гротескно, смело, критично. Он называет эти сценки «Капричос» - «капризы». Для него они означают свободу, фантазию, интимность, непосредственность - все, чего нельзя выразить в картинах, написанных по заказу. Он отбрасывает все условности и создает свой собственный, свободный стиль, который ныне производит впечатление на удивление современного.

В Мадриде все еще можно приобрести рисунок из серии «Капричос». Например, в старинном антикварном магазине семьи Линарес. Его 90-летняя владелица с серебристо-голубыми волосами и нарумяненными щечками день за днем сидит в торговом зале и наблюдает за тем, как ее дочери Пилар и Конча - обеим уже за пятьдесят - показывают посетителям свои сокровища. Они выкладывают один лист «Капричос» за другим. Хорошо сохранившаяся гравюра стоит в пересчете примерно 1800 марок. За 10 миллионов песет, то есть около 12 тысяч марок, можно получить и полный комплект в переплете. «У нас покупают прежде всего японцы и немцы, - говорит Пилар Линарес. - У испанцев нет таких денег».

Большинство гравюр имеют по нескольку тысяч оттисков. Почтенная академия «Сан-Фернандо» в Мадриде, во владении которой находятся медные доски оригиналов, неоднократно делала дополнительные оттиски, последний раз в 1982 году. Гравюры Гойи - хороший источник доходов. То, что доски при этом изнашиваются, никого не беспокоило. «Жадные до денег члены академии хотели все больше и больше. Нам должно быть стыдно», - говорит эксперт по творчеству Гойи Хавьер Блас.

Неприметный маленький человек в полосатой рубашке может с ходу ответить на любой вопрос по графике Гойи. Сколько было изданий «Капричос»? - 13. Сколько существует экземпляров? - 2045. Ответы следуют мгновенно, черные глаза поблескивают от воодушевления.

Хавьер Блас извлекает свои богатства: пробные оттиски, неудачные оттиски, единственные варианты, позже измененные из страха перед цензурой. Предварительный набросок «каприза» под названием «Им жарко» показывает трех монахов с алчными взглядами за едой. У одного из них нос, имеющий форму пениса. Позже, при печати, нос сократился до нормальных размеров. У Гойи не хватило мужества.

Сегодня оттисков больше не делают. Драгоценные медные доски с выгравированными оригинальными рисунками, словно принцессы, лежат в своих бархатных кроватках. Только немногим избранным разрешено к ним прикасаться, стальные двери не пропускают случайных посетителей. Под постоянным контролем находятся температура и влажность воздуха.

Гойя уже знаменит, он написал множество церковных картин и портретов королевы и членов ее семейства, когда в 1808 году начинается война за независимость. Разворачиваются бои с оккупационными войсками Наполеона. Захватчики нападают на монастыри, отрубают головы монахам, совершают массовые убийства. Каждому, кого застают с оружием в руках, грозит смерть. Гойя потрясен, растерян, ошеломлен. Свои ужасные впечатления он выражает в драматической картине «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года».

Для внешнего мира художник ведет жизнь состоятельного добропорядочного буржуа. Но негласно он приглашает друзей и соседей на тайные собрания, участники которых рассказывают о казнях, насилиях, массовых могилах и осквернении трупов.

Глухому художнику приходится «читать» по губам своих друзей. Он потрясен. Свои боль и гнев Гойя изливает в серии «Бедствия войны». До него никто так бурно и сильно не выражал протест против насилия и несправедливости. Он показывает заколотых и задушенных, пытки и убийства и постоянно задает вопрос: почему, почему, почему?

В Бельчите, на расстоянии всего нескольких километров от места рождения Гойи Фуэндетодоса, еще и сегодня можно ощутить, что представляют собой ужасы войны. В тридцатые годы во время гражданской войны в Испании деревня была местом жестоких боев между войсками Франко и коммунистами. Она была полностью разрушена - подобно местечку Герника, которому Пабло Пикассо поставил памятник своей великой антивоенной картиной.

Чтобы бои в Бельчите не были преданы забвению, жители оставили его руины как памятник и рядом построили свою деревню заново. Каждый, кто проходит через развалившиеся ворота песочного цвета, попадает в призрачный город. Дома без крыш, сломанные балки перекрытий, тут и там на стенах еще видны осколки кафеля, остатки краски и обоев, покореженные вывески вроде «Кафе» или «Больница». Ни звука, ни одного живого существа - ни птицы, ни мыши. Жуткая тишина.

В 1815 году, когда ему исполнилось 69 лет, Гойя начинает свою графическую серию о корриде. Он любит тореадоров, даже сам пробует свои силы на арене. Этим людям он посвятил картины, ставшие, пожалуй, самыми популярными, - смелые, гордые и немножко архаичные. Среди прочего он запечатлевает смерть одного знаменитого матадора в 1801 году в присутствии королевы: бык поднял его на рога.

«Сатурн» из серии «Черные картины».

То и дело Гойю мучают тяжелые болезни, в 1819 году он едва избегает смерти. Художник понимает, что каждая его картина может стать последней. В доме на берегу реки Мансанарес, откуда открывается вид на королевский дворец, возникают его величайшие шедевры. «Черные картины». Они - словно поездка в ад, взгляд в иной мир по ту сторону смерти: искаженные ужасом лица, распахнутые рты. Сатурн, который, измазавшись кровью, пожирает человека, ведьмы, чудовища. Словно в дурмане, Гойя пишет масляными красками прямо на стенах. Мрачные видения смерти...

К сожалению, настало время, когда штукатурка начала отваливаться и на картинах появились дыры и трещины. В XIX веке дому Гойи, «Кинта дель Сордо», угрожал снос, но его приобрел банкир Эрлангер из Ингельхайма. По его указанию верхние слои краски осторожно сняли со стен и перенесли на холст. Он надеялся, что на Всемирной выставке в Париже в 1878 году картины вызовут сенсацию. Никто, однако, не проявил к творениям Гойи интереса, их назвали пустой мазней душевнобольного человека.

Разочарованный Эрлангер подарил картины испанскому государству. Так они попали в Прадо, где тоже не знали, что с ними делать. На долгие десятилетия работы Гойи оставили пылиться в запасниках. Сегодня же «Черные картины» относятся к главным экспонатам музея.

Дом «Кинта дель Сордо» давно снесен. В девятиэтажке на речном берегу ресторатор Педро Хуртадо, называющий себя «величайшим собирателем копий Гойи», открыл пивную, которая стала музеем отвратительных уродов, созданных бездарными подражателями Гойи. Над лестницей, ведущей в клозет, висит «Маха», выполненная синими штрихами, рядом с телефоном со стены ухмыляется грубый, вырезанный по дереву портрет Гойи, а за стойкой «открывается вид» на Мадрид. Примириться со всем этим трудно. Но по крайней мере коньяк «Герцог де Альба» помогает переварить специфические блюда, подаваемые в заведении.

Педро Хуртадо клянется, что здесь, точно на этом самом месте, стоял дом Гойи. При этом сам он отлично знает, что это не так. Но скажи он правду, туристы приходили бы не к нему, а в «Бар Виктор», расположенный через несколько домов. Там в неприметном желтом здании бледные старики пьют свое пиво - высохшие, с провалившимися глазами, похожие на дьявольские фигуры Гойи. Мемориальная доска гласит: «Здесь с 1819 года по 1824 год жил и писал свои «Черные картины» Франсиско Гойя».

Так как политическое положение в Испании становится все более сложным и в стране властвуют абсолютизм и террор, Гойя в возрасте 77 лет бежит в Бордо. «Кинта дель Сордо» он дарит своему внуку Мариано. Один из друзей записал в дневнике, что «Гойя, глухой, старый, слабый, не способный двигаться, уехал, не зная ни слова по-французски, но довольный и жаждущий увидеть мир».

Здоровье художника катастрофически ухудшается: трудности с мочевым пузырем, опухоль в кишечнике. Тем не менее он неустанно рисует. «У меня нет ни хороших глаз, ни сил, ни пера, ни чернильницы, мне не хватает всего; у меня остается только воля», - пишет он. И воля сильная. Один из последних рисунков, сделанных незадолго до смерти в апреле 1828 года, показывает седобородого старца, опирающегося на две клюки. Под рисунком подпись: «Я все еще учусь».

Гойя покоится в церкви Сан-Антонио де ла Флорида под своими прекрасными, почти невесомыми фресками, написанными в 1798 году. Странно, но он похоронен без головы. За могилой следит преданная хранительница по имени Ангел. Каждый день она с восторгом показывает туристам нарисованные Гойей улыбающиеся фигуры ангелов на куполе, и некоторые от счастья плачут. ■